гору по солнечной сторонѣ, дошла до церкви и сѣла, тоже на солнечной сторонѣ, на паперти церкви. Но когда солнце стало заходить за дома, лужи стали затягиваться стеклышкомъ мороза, прачкѣ стало холодно и жутко. Она поднялась и потащилась... Куда? Домой, въ тотъ единственный домъ въ которомъ она жила въ послѣднее время. Пока она дошла, отдыхая, стало смеркаться. Она подошла къ воротамъ, завернула въ нихъ, поскользнулась, ахнула и упала.

„Прошелъ одинъ, прошелъ другой человѣкъ. „Должно, пьяная". Прошелъ еще человѣкъ, споткнулся на прачку и сказалъ дворнику: „Какая-то у васъ пьяная въ воротахъ лежитъ, чуть голову себѣ не проломилъ черезъ нее; уберите вы ее, что ли?"

„Дворникъ пошелъ. Прачка умерла. Вотъ что разсказалъ мой пріятель... И вотъ, отслушавъ разсказъ моего пріятеля, я пошелъ въ участокъ, съ тѣмъ чтобы оттуда пойти въ Ржановъ домъ узнать подробнѣе объ этой исторіи прачки. Погода была прекрасная, солнечная; опять сквозь звѣзды ночного мороза, въ тѣни, виднѣлась бѣгущая вода, а на припарѣ солнца все таяло и вода бѣжала. Отъ рѣки что-то шумѣло. Деревья Нескучнаго Сада синѣли черезъ рѣку; порыжѣвшіе воробьи, незамѣтные зимой, такъ и бросались въ глаза своимъ весельемъ; люди какъ будто тоже хотѣли быть ве-